

ТАМИРА

КОЛЛЕГИЯ ТИШИНЫ

Тамира .

Коллегия Тишины

«Автор»

2026

. Т.

Коллегия Тишины / Т. . — «Автор», 2026

Айтишник Матвей планировал сдать просроченную курсовую, но вместо этого словил проклятие. Теперь в его голове поселился Шерлок — саркастичный дух древнего кота, затаившего обиду на человечество за тысячелетия пренебрежения. Их партнёрство началось с укуса и обещания заветной куриной ножки. Чтобы снять заклятие, им предстоит путь через леса, электрички и лабиринты Изборска, начинённые ловушками. Матвею нужно не сойти с ума от ментального комментатора, а коту — доказать, что он истинный Страж, а не «шерстяной диверсант». Но у древних руин их уже ждут люди с тяжёлой техникой. Корпорация готова поднять завесу между мирами ради элитного посёлка. Вот только бездна тоже готова заглянуть в ответ. Саркастичное фэнтези о долге и поиске того, кто поймёт тебя без слов.

© . Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Тамира .

Коллегия Тишины

Глава

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОРОДСКАЯ ЛЕГЕНДА

Глава 1. Девять жизней и одна проблема

XV век. Подземелье городища. Ночь перед осадой.

Центральный зал подземелья гудел, как растревоженный улей. Факелы, закреплённые в железных кольцах на стенах, бросали пляшущие тени на своды, покрытые копотью многих столетий. Пахло горячим воском, сырым известняком и тем особенным запахом, который появляется, когда много людей — и не только людей — долгое время живут в замкнутом пространстве в ожидании беды.

Магистр Ордена Хранителей, седобородый старик по имени Елисей, стоял у массивного каменного стола в центре зала. Его руки, испещрённые шрамами и старческими пигментными пятнами, были широко расставлены над пожелтевшей картой долины. Вокруг него собрались старшие Хранители — пятеро мужчин и две женщины, чьи лица были суровы и сосредоточенны. Все они были одеты в простые серые рясы, подпоясанные сыромятными ремнями, на которых висели кожаные мешочки с травами, амулетами и инструментами, назначения которых не знал никто за пределами Ордена.

Но не только люди заполняли зал. Вдоль стен, на каменных выступах, на грудах старых гобеленов и просто на полу, поджав лапы, сидели кошки. Десятки кошек. Чёрные, рыжие, серые, белые, полосатые, с глазами всех оттенков — от бледно-зелёного до глубокого янтарного. Они не мяукали, не двигались. Они слушали. И ждали.

Елисей поднял голову и обвёл взглядом собравшихся. Его голос, глухой и надтреснутый, разнёсся под сводами:

— Они придут на рассвете. Люди епископа. И наёмники, которых он нанял в Ливонии. По нашим сведениям, их около трёх сотен. Конница, пехота, лучники. И с ними — двое инквизиторов.

При слове «инквизиторы» по рядам Хранителей прокатился ропот. Одна из женщин — высокая, с резкими чертами лица и седой косой, уложенной вокруг головы, — сжала кулаки.

— Значит, они всё-таки решились, — произнесла она. Голос её был низким, с хрипотцой. — Сколько у нас времени?

— До рассвета, Аглая, — ответил Елисей. — Может, чуть больше, если туман с озера задержится. Но к полудню они будут здесь.

Он перевёл взгляд на кошек. Точнее, на одного конкретного кота — огромного рыжего зверя с разодранным ухом, который возлежал на отдельной подушке у подножия постамента с книгой. Это был Рагнар, вожак кошачьей стаи, связанной с Орденом древним договором, которому насчитывалось уже больше трёх веков.

— Рагнар, — обратился к нему Елисей, и в голосе его прозвучало уважение, какое редко услышишь от человека, говорящего с животным. — Твои Стражи готовы?

Рыжий кот медленно поднял голову. Его янтарные глаза встретились с глазами старика. Между ними не было нужды в словах — связь Хранителей и Стражей работала иначе. Но для остальных, кто не обладал даром слышать мысли, Елисей произнёс вслух то, что передал ему кот:

— Рагнар говорит: Стражи займут все входы и выходы. Они будут следить за каждым шагом врага. Их глаза — наши глаза. Их уши — наши уши. Ни одна мышь не проскользнёт незамеченной, не то что человек.

Рагнар, словно подтверждая сказанное, издал низкое, утробное урчание, которое прокатилось по залу и заставило замолчать даже самых говорливых Хранителей.

— Но этого мало, — продолжил Елисей. — Епископ жаждет не нашей земли. Не наших припасов. Он жаждет книгу. «Шестокрыл».

Он указал на постамент в центре зала, где в углублении, выстланном тёмным бархатом, покоился тяжёлый фолиант. Книга не светилась, не мерцала — она спала, как спит зверь в зимней спячке. Но даже в этом состоянии от неё исходило ощущение глубокой, непостижимой древности и силы.

— Если книга попадёт в руки инквизиторов, — голос Елисея упал почти до шёпота, — они не станут её читать. Они её сожгут. Вместе с нами. Вместе со Стражами. Вместе с этим местом. Они верят, что уничтожают ересь. Они не понимают, что уничтожат завесу. И то, что за ней, — он замолчал, не закончив фразу.

Тишина повисла в зале, тяжёлая, как каменные своды над головой. Каждый из присутствующих знал, что такое завеса. Каждый знал, что «Шестокрыл» — не просто книга. Это дверь. Вернее, замок на двери, которую нельзя открывать.

Молодой Хранитель по имени Мирослав, светловолосый парень с упрямым подбородком и горящими глазами, шагнул вперёд:

— Мы можем уйти. Забрать книгу и уйти. Подземные ходы ведут к озеру. К утру мы будем далеко.

Аглая покачала головой:

— Книгу нельзя уносить с постамента. Ты это знаешь, Мирослав. Стоит ей покинуть это место — и завеса начнёт истончаться. Пройдут годы, может, десятилетия. Но процесс будет необратим. Мы — Хранители. Наша задача — оставаться здесь. Всегда.

— Тогда мы умрём здесь, — тихо сказал кто-то из задних рядов.

Елисей выпрямился. Его старые плечи расправились, и на мгновение он перестал казаться дряхлым стариком. В его глазах загорелся огонь, который не гасили ни годы, ни усталость.

— Возможно, — сказал он. — Но мы умрём не напрасно. Слушайте мой приказ.

Он развернул карту полностью и начал отдавать распоряжения. Хранители будут держать главный вход — узкий коридор, ведущий от поверхности к первому залу. Там, где камень сжимается так, что воин в доспехах может пройти только боком, оставив щит за спиной. Трое Хранителей с арбалетами смогут сдерживать натиск часами.

Боковые проходы будут завалены — заранее подготовленные камни ждут только сигнала. Останется только один путь — через Зал Испытаний, где пол проваливается под тяжестью жадности, и Галерею Шепотов, где каждого входящего встречает его собственный страх.

— А если они прорвутся через всё? — спросил Мирослав.

Елисей посмотрел на Рагнара. Рыжий кот медленно поднялся на все четыре лапы. Он был огромен — крупнее любой домашней кошки, крупнее большинства собак. Мышцы перекатывались под рыжей шерстью, когда он потянулся, демонстрируя когти, каждый из которых был острее хорошо заточенного ножа.

— Тогда в бой вступят Стражи, — сказал Елисей. — Они знают каждый камень, каждую трещину, каждую тень в этих подземельях. Они будут бить из засад. Путаться под ногами. Рвать лица и руки. Они не победят в открытом бою, но они заставят врага заплатить за каждый шаг кровью и страхом.

Он обвёл взглядом кошек. Те сидели неподвижно, но в их глазах горело понимание. Они были не просто животными. Они были Стражами. Частью Ордена.

— А книга? — спросила Аглая. — Если они всё-таки доберутся до Хранилища?

Елисей подошёл к постаменту и положил ладонь на холодный кожаный переплёт. Книга едва заметно потеплела под его рукой, словно признавая прикосновение Хранителя.

— Есть старый протокол, — сказал он медленно. — На случай, если всё потеряно. Мы не можем унести книгу. Но мы можем сделать так, чтобы её не смог унести никто. Обрушить своды Хранилища. Похоронить «Шестокрыл» под тысячами тонн камня. Это не разрушит завесу — просто сделает её недоступной. Навсегда.

— Вместе с нами, — тихо произнёс Мирослав.

— Вместе с нами, — подтвердил Елисей. — Если дойдёт до этого.

В зале снова повисла тишина. Слышно было только, как потрескивают факелы да где-то в дальних коридорах капает вода. Каждый думал о своём. О доме, который остался где-то далеко. О близких, которые никогда не узнают, что здесь произошло. О том, каково это — быть погребённым заживо под камнем.

Тишину нарушил тонкий, возмущённый писк.

Все взгляды обратились к подножию одной из колонн, где маленький чёрный котёнок с белой манишкой на груди — Ас-Шафар Асвад, трёх недель от роду, — охотился за мухой. Муха была наглая, жирная, весенняя, и ей не было никакого дела до осад, инквизиторов и судеб мира. Котёнок, припав брюхом к холодному полу, оттопырив хвост трубой и смешно дёргая задом, готовился к решающему броску.

Муха села на край свитка, лежавшего на краю невысокого охранного круга — плетения из вплавленных в камень серебряных нитей, которое поддерживало стабильность заклинания левитации. Свиток ждал, когда его переложат в Хранилище. В нём не было ничего особенно опасного: просто описание того, как поднимать тяжёлые камни, не напрягая спину.

Котёнок прыгнул. Муха взлетела с издевательским жужжанием. Лапа котёнка, пролетев мимо цели, зацепила край свитка. Свиток, кувыркаясь, слетел с охранного круга и шлёпнулся на пол.

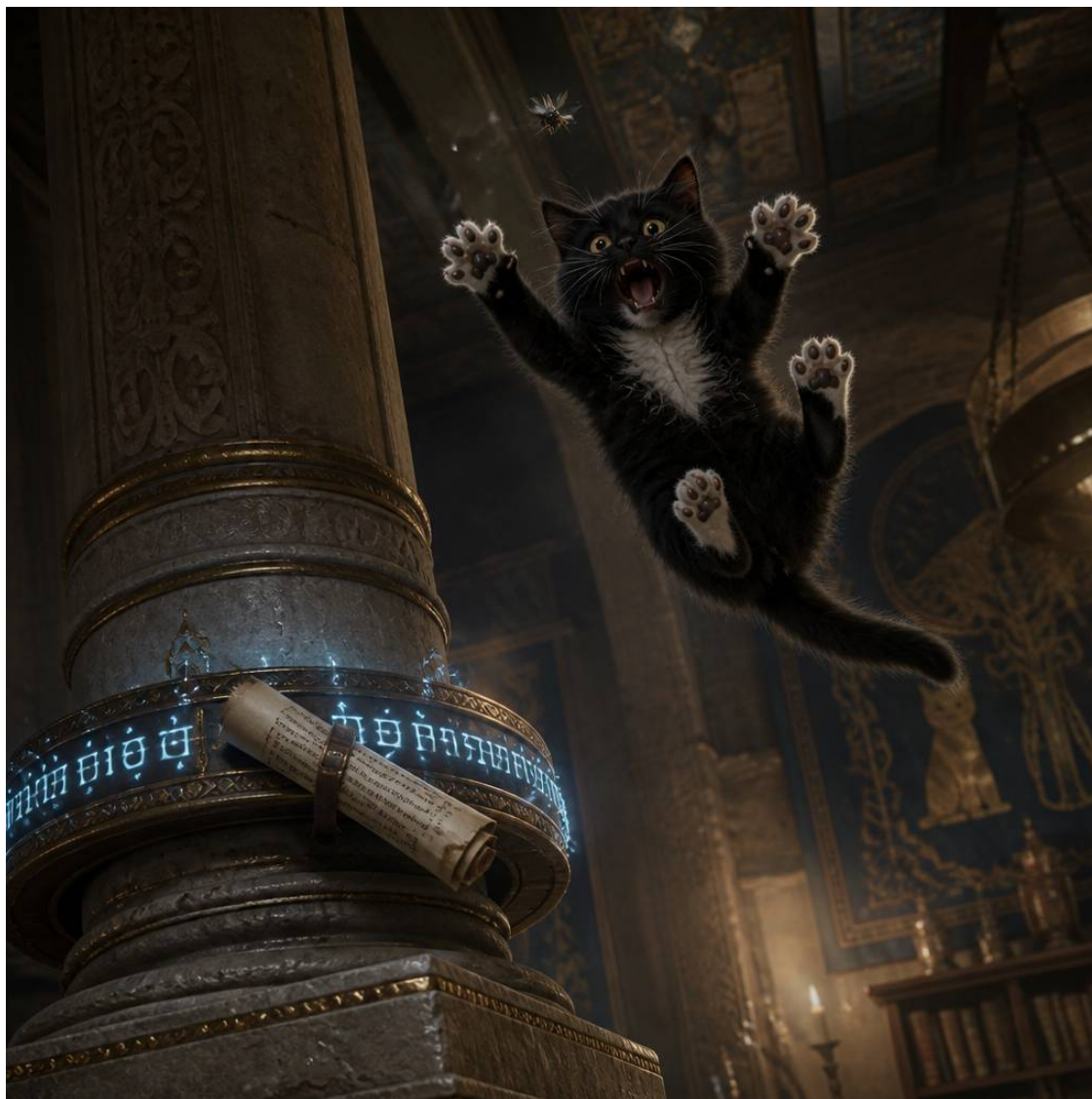
Серебряные нити вспыхнули голубым. Раздался низкий гул. Котёнка подбросило вверх, перевернуло и приложило спиной о каменный свод. Ас-Шафар Асвад завис под потолком вверх лапами и истошно заорал. Магический фон в зале был нестабилен: близость «Шестокрыла» заставляла древние плетения дрожать, как струны под ветром. Даже случайное касание могло вызвать резонанс

Рагнар посмотрел на эту картину, и в его янтарных глазах промелькнуло что-то, отдалённо напоминающее тяжёлый вздох. Мысленный голос рыжего кота разнёсся по залу, достигая и людей, и Стражей:

«Вот. Даже на пороге гибели этот шерстяной диверсант умудряется создавать хаос. Снимите его. И покормите. Завтра нам понадобятся все силы. Даже такие».

Двое молодых Хранителей бросились выполнять приказ, а Елисей, глядя на болтающегося под потолком котёнка, неожиданно улыбнулся — впервые за много дней.

— Жизнь продолжается, — сказал он негромко. — И это хорошо. Завтра мы будем биться за то, чтобы она продолжалась и дальше.

Рассвет. Стены городища.

Они пришли, как и предсказывал Елисей, с первыми лучами солнца. Сперва из тумана, поднимавшегося от озера, донеслись звуки — лязг металла, ржание лошадей, отрывистые команды на чужом языке. Потом показались и они сами: конные разъезды, оцепившие холм, пешие воины с алебардами и мечами, лучники, занимающие позиции на соседних возвышенностях. И в центре, под знаменем с крестом, — сам епископ в окружении двух фигур в чёрных рясах. Инквизиторы.

Осада началась с переговоров. Епископ, грузный мужчина с багровым лицом и маленькими, заплывшими жиром глазками, выслал вперёд глашатая. Тот, подойдя на безопасное расстояние к главным воротам — массивным дубовым створам, окованным железом, — прокричал условия:

— Его Преосвященство епископ Изборский и Псковский повелевает: отворите ворота, выдайте еретическую книгу и сдайтесь на милость Святой Церкви. Тогда, быть может, ваши жизни будут сохранены. В противном случае — вы все будете преданы огню, а ваше логово — разрушено до основания.

Ответом ему была тишина. Ворота не открылись. Никто не вышел. Никто не отозвался. Тогда епископ, побагровев ещё больше, отдал приказ к штурму.

Первая волна нападавших — пехотинцы с осадными лестницами и тараном — двинулась к главному входу. Они ожидали сопротивления. Они были готовы к стрелам, кипящему маслу, камням. Они не были готовы к тому, что произошло.

Когда первые воины вступили в узкий коридор главного входа, камень под их ногами ожил. Плиты пола ушли вниз, открывая провалы, на дне которых торчали заострённые колья. Те, кто не провалился, были встречены арбалетными болтами из бойниц, выбитых в стенах на такой высоте, что достать их не было никакой возможности. Крики раненых и умирающих наполнили утренний воздух.

Епископ, наблюдавший за штурмом с безопасного расстояния, побагровел так, что, казалось, его хватит удар. Он отдал новый приказ — обойти, найти другие входы. Наёмники рассыпались по склонам холма, прочёсывая заросли. Они нашли Восточную Расщелину. Они нашли Западный лаз. И везде их встречали ловушки — камни, срывающиеся со сводов, ямы с ледяной водой, узкие проходы, в которых воин в доспехах застревал, становясь лёгкой добычей.

Но силы были неравны. К полудню наёмники прорвались через Зал Испытаний, заплатив за это десятком жизней. Они миновали Галерею Шепотов, где многих охватила паника и они бежали, преследуемые собственными страхами. Но тех, кто прошёл, вела вперёд жадность — епископ пообещал щедрую награду.

И тогда в бой вступили Стражи.

Кошки атаковали из теней, из трещин в стенах, с низких сводов, куда не мог дотянуться меч. Они бросались на лица, вцепляясь когтями в глаза. Они проскальзывали под ногами, заставляя воинов спотыкаться и падать на собственное оружие. Они кусали за руки, заставляя выронить мечи и факелы. Это не была битва в привычном понимании. Это был хаос — пушистый, когтистый, беспощадный хаос.

Рагнар сражался в первых рядах. Огромный рыжий кот прыгнул на командира наёмников — здорового ливонца в кожаном доспехе — и вонзил когти ему в лицо. Ливонец закричал, выпустил меч, попытался оторвать от себя кота. Рагнар не отпускал. Он дрался с яростью, которая копилась столетиями, — с яростью Стража, защищающего не просто дом, а саму границу миров.

Но даже он не мог остановить всех.

К вечеру наёмники прорвались к Хранилищу. Елисей и оставшиеся в живых Хранители — Аглая, Мирослав и ещё трое — встретили их у входа в центральный зал. За их спинами, на постаменте, покоился «Шестокрыл». Перед ними стояли три десятка вооружённых людей, залитых кровью — своей и чужой, — озверевших от долгого боя и потерь.

Епископ, которого внесли в зал на носилках — он не рисковал идти сам, — указал перстом на книгу:

— Взять её! И сжечь всё здесь!

Елисей переглянулся с Аглаей. Она кивнула, лицо её было бледным, но спокойным. Мирослав сжал в руке небольшой рычаг, вделанный в стену, — тот самый, что активировал механизм обрушения.

— Прощайте, — тихо сказал Елисей, глядя на своих товарищей. — Мы выполнили свой долг.

Он уже собирался дать сигнал, когда в зале произошло нечто странное.

Книга — «Шестокрыл», — которая всё это время лежала неподвижно, вдруг засветилась. Мягкий, золотистый свет разлился по залу, заставив замереть и защитников, и нападавших. А потом свет сгустился, приобрёл форму — и перед постаментом возникла фигура. Высокая, в струящихся одеждах, с лицом, которое невозможно было разглядеть — оно всё время менялось, как отражение в бегущей воде.

Фигура подняла руку. И время остановилось.

Нет, не совсем. Просто все — и Хранители, и наёмники, и епископ, и даже Рагнар с другими Стражами — замерли, не в силах пошевелиться. Только Елисей, стоявший ближе всех к книге, сохранил способность двигаться и видеть.

Фигура заговорила. Голос её звучал не извне, а прямо в голове у Елисея, — спокойный, глубокий, древний, как сам мир:

— Ты готов пожертвовать собой и своими людьми. Это достойно. Но жертва не потребуется. По крайней мере, не такая, как ты думаешь.

— Кто ты? — прошептал Елисей. Губы его едва шевелились.

— Я — та, что была здесь до вас. До людей. До кошек. Я — завеса. Я — дверь. Я — «Шестокрыл». Вы, Хранители, хорошо служили мне. Но время людей в этом месте подходит к концу. Ваш мир меняется. Скоро сюда придут другие — с железом, с огнём, с верой, которая не терпит иного. Вы не сможете их остановить. Но я могу.

— Что ты сделаешь? — спросил Елисей.

— То, что должна. Я скрою это место. Не навсегда — только до тех пор, пока мир не будет готов. Ваши тела я сохраню в камне. Ваши души... вы заснёте. А когда придёт время — проснётесь. Или не проснётесь. Это зависит не от меня.

Елисей хотел спросить ещё что-то, но фигура уже таяла, рассеивалась золотистой дымкой. Последнее, что он услышал, было:

— Позаботься о Стражах. Они останутся. Им предстоит долгая вахта.

А потом свет погас. Время возобновило свой ход — но всё уже изменилось.

Своды Хранилища задрожали. С потолка посыпалась каменная крошка, потом — куски побольше. Наёмники, забыв о книге, о добыче, о приказах, бросились к выходу. Епископ, вопя, приказал нести себя прочь. Но было поздно.

С грохотом, который, казалось, расколол саму землю, центральная часть свода обрушилась. Огромные глыбы известняка рухнули вниз, погребая под собой и постамент, и книгу, и фигуру, и тех Хранителей, что не успели отбежать. Пыль заполнила зал, забивая лёгкие, слепя глаза.

Когда всё стихло, на месте Хранилища была груда камней. Входы в подземелье оказались завалены. Городище опустело. Люди ушли — кто в страхе, кто в ярости, кто оплакивать погибших.

Но под землёй, в уцелевших коридорах и катакомбах, остались они. Стражи. Кошки. Рагнар-с-Разодранным-Ухом, покрытый шрамами, но живой. Леди Мяо, чья белоснежная шерсть была серой от пыли. Тит Флавий, молодой ещё тогда, но уже с замашками генерала. И многие, многие другие.

И среди них — маленький чёрный котёнок с белой манишкой, который чудом выжил, забившись в расщелину, когда началось обрушение. Ас-Шафар Асвад. Тот, Кто Видит Тьму В Углу.

Коллегия Тишины не погибла. Она просто сменила форму.

Много позже, вспоминая этот день в своей исповеди перед Матвеем, Шерлок мысленно хмыкнет и добавит с неподражаемой смесью обиды и сарказма:

«Меня тогда не покормили. И, кажется, с тех пор я затаил обиду на всё человечество. Кроме, пожалуй, одного экземпляра. Но о нём позже».

Глава 2. Непрошенные гости в Доме Тишины

Наши дни. За месяц до встречи с Матвеем. Изборско-Мальская долина. Руины.

Весенний вечер опускался на руины городища неторопливо, с тем особенным достоинством, какое бывает только у северо-западных закатов. Солнце, огромное и оранжевое, как расплавленный янтарь, цеплялось за замшелые зубцы древней кладки, окрашивая валуны в густые медовые тона. От Городищенского озера тянуло сырой прохладой и запахом прелой листвы — той, что пролежала под снегом всю зиму и теперь, освобождённая, дышала в полную силу. Где-то в кронах старых лип, обступивших руины, пересвистывались дрозды, укладываясь на ночлег. Ветер, прилетавший со стороны Псковского озера, приносил с собой запах воды, ила и чего-то древнего, что невозможно назвать словами, — запах времени, которое текло здесь иначе, чем во внешнем мире.

Внутри подземелий жизнь текла своим чередом, не зависящим ни от времени суток, ни от погоды наверху, ни от того, что происходило в мире людей. Стражи обходили дозором коридоры — неслышные тени, скользящие вдоль стен, чьи глаза горели в темноте изумрудами и янтарями. Молодняк гонял друг друга по катакомбам, оттачивая рефлексy, которые когда-нибудь, возможно, спасут им жизнь. Старшие проверяли целостность охранных плетений — тех самых серебряных нитей, вплавленных в камень столетия назад руками давно ушедших Хранителей. Где-то в глубине, в гнездовой камере, устланной сухой травой и клочками овечьей шерсти, принесёнными с поверхности, Леди Мяо вылизывала трёх новорождённых котят, мурлыча что-то успокаивающее в общий мысленный канал.

Ас-Шафару — теперь его звали просто Шерлок, после того как он вычислил крысу, воровавшую припасы, по едва заметным следам пыли на усах, — исполнилось три месяца. Он уже не был тем беспомощным комком шерсти, что болтался под потолком, перевернувшись вверх лапами. Теперь это был поджарый, угольно-чёрный подросток с безупречной белой манишкой на груди, доставшейся ему от матери, и глазами, в которых горело не по возрасту острое, почти болезненное любопытство. Любопытство, которое старшие Стражи называли не иначе как «будущей катастрофой» или, в минуты особого раздражения, «наследственным проклятием его матери».

В этот вечер его отправили в верхний дозор. Наказание или воспитание — мнения в Коллегии разделились. Тит Флавий, старый британский кот с мордой отставного генерала и шерстью, напоминавшей потёртый плед, буркнул в усы, что «щенка надо гонять, пока не выветрится дурь, иначе он рано или поздно сожрёт что-нибудь действительно важное». Леди Мяо промолчала, но в её молчании, обращённом к Шерлоку, явственно читалось сомнение в эффективности подобных воспитательных мер.

Дозор заключался в следующем: сидеть у вентиляционной отдушины — узкой расщелины в камне, выходящей на поверхность у подножия старой липы, — и слушать. Просто слушать. Никаких активных действий. Никаких исследований. Никакого «творческого подхода», как выразился Тит Флавий, вкладывая в эти слова всю гамму своего генеральского презрения.

Занятие было настолько скучным, что Шерлок начал клевать носом уже через час. Ветер гудел в кроне липы, и звук этот, однообразный и глубокий, действовал усыпляюще. Где-то далеко перекликались птицы, устраиваясь на ночлег. Шумела листва, потревоженная вечерним бризом. Изредка доносился плеск воды из Городищенского озера — там, наверное, рыба играла на закате. Ничего интересного. Ничего, что стоило бы внимания Стража Коллегии Тишины.

Шерлок уже почти провалился в дрему, когда тишину разорвали звуки, которых здесь не слышали десятилетиями. Нет, не десятилетиями — столетиями. С тех самых пор, как последние люди в серых рясах ушли в камень, а своды Хранилища обрушились, погребая под собой и книгу, и тех, кто пытался её захватить.

Голоса. Много голосов. Человеческих.

Шерлок встрепенулся так резко, что едва не ударился головой о низкий каменный свод. Шерсть на загривке встала дыбом, хвост распушился, превратившись в чёрную щётку. Он припал к полу, вжимаясь в камень, и обратился в слух.

Люди с тяжёлым снаряжением продирались сквозь кустарник со стороны Городищенского озера. Они шли не по тропе — туристы и редкие паломники к Труворову кресту ходили совсем другой дорогой, — они ломились напрямик, через заросли ольхи и лещины, огибая крупные валуны, поросшие мхом. Их маршрут, судя по звукам, вёл напрямик к Восточной Расщелине — запасному входу, который считался давно и надёжно заваленным ещё после той самой осады.

Мысленный голос Тита Флавия рывкнул в общий канал так, что у Шерлока заложило голову, будто в уши плеснули ледяной водой:

«Тревога. Чужаки у Восточной Расщелины. Повторяю: чужаки у Восточной Расщелины. Всем Стражам — занять позиции согласно протоколу «Вторжение». Молодняк — вглубь, к Хранилищу. Немедленно. Ас-Шафар, ты где? Отзовись! Немедленно вниз!»

Шерлок хотел ответить. Хотел подчиниться. Но лапы словно приросли к камню. Страх и любопытство — та самая гремучая смесь, которая сгубила не одного кота за долгую историю Коллегии, — парализовали его. Он вжался в расщелину между двумя камнями, став почти невидимым — чёрная шерсть сливалась с тенями, — и замер. Он должен был увидеть. Должен был понять, кто эти люди и зачем они пришли.

Люди были уже рядом. Их оказалось около десятка — Шерлок насчитал одиннадцать, но мог ошибиться, потому что они постоянно двигались. Они вышли на небольшую поляну перед завалом и начали сбрасывать снаряжение: объёмные рюкзаки, пластиковые ящики с какими-то надписями, металлические стойки, свёрнутые треноги, мотки проводов. Всё это бряцало, лязгало и пахло чуждо — синтетикой, резиной, металлом, химией.

Шерлок осторожно выглянул из своего укрытия, стараясь не высовываться слишком сильно.

Высокий седой мужчина с плоским прямоугольным предметом в руках — позже Шерлок узнает, что это называется «планшет», — стоял в центре поляны, отдавая распоряжения. У него было холодное, точно вырезанное из светлого камня лицо, и говорил он с лёгким, едва уловимым акцентом, который Шерлок не мог опознать. Командный голос, не терпящий возражений. Движения точные, экономные, без суеты. Опасный человек.

— Георадар показывает пустоты на глубине шести метров, — произнёс он, глядя в свой светящийся прямоугольник. — Здесь должен быть вход. Разбирайте завал. Аккуратно, без лишнего шума. Мне не нужны обвалы, и мне не нужны свидетели. Работаем быстро, пока не стемнело окончательно.

Это был Краузе. Шерлок не знал его имени тогда, но запомнил запах — смесь дорогого мыла, металла и холодной, расчётливой решимости. Запах хищника, который никогда не охотится ради забавы, только ради цели.

Рядом с Краузе суетился полный человек в нелепом дорогом пальто, которое цеплялось за каждый куст, за каждую ветку, и уже было в репьях и мелких листьях. Он то и дело вытирал пот со лба дорогим платком, который, судя по запаху, был пропитан какими-то цветочными эссенциями, и нервно озирался по сторонам, словно ожидал, что из-за каждого камня на него бросится призрак. Или что-нибудь похуже.

— Краузе, я плачу вам не за разговоры о пустотах, — завизжал толстяк. Голос у него был высокий, срывающийся на фальцет, как у человека, привыкшего, что его истерики немедленно исполняются. — Мне нужна книга. «Шестерокрыл». Или как её там. Вы уверены, что она здесь?

Шерлок вздрогнул. Он знал это название. Знал с самого рождения, с первых дней в подземельях, когда старшие Стражи, склоняясь над котятками, нащёптывали древние истории. «Шестокрыл». Книга, погребённая под обвалом в Хранилище. Завеса. Дверь, которую нельзя открывать.

Краузе ответил сухо, не отрывая взгляда от планшета:

— Все исторические источники, которые удалось найти, указывают на это место. Легенды о «Доме Тишины», «Могильнике Истин», упоминания в трофейных бумагах шведского пастора — всё сходится. Если книга существует в реальности, а не только в фольклоре — она здесь. Но предупреждаю: местные верят, что руины охраняют. Коты, призраки, древние ловушки. Неизвестно, что из этого правда, а что — суеверия.

— Коты? — «Профессор» фыркнул, как рассерженный боров, которого потревожили в луже. — Вы серьёзно? Я плачу вам за археологию, за профессионализм, а не за деревенские байки про кисок. Работайте. Если понадобится, мы выкурим отсюда всех кошек. Или перестреляем. Мне всё равно.

Шерлок почувствовал, как внутри у него всё сжалось в тугую, холодный комок. Этот человек говорил о Стражах как о мусоре. Как о помехе. Он понятия не имел, с кем имеет дело. И это делало его ещё более опасным.

Люди начали разбирать завал. Застучали кирки по камню, полетели в сторону обломки. Работали они споро, умело — видно было, что не в первый раз. Шерлок понял, что нужно уходить. Сейчас. Пока его не заметили. Он уже увидел достаточно, чтобы доложить Титу Флавию: люди знают о книге, их много, они вооружены и полны решимости.

Он начал пятиться, медленно, миллиметр за миллиметром, стараясь не издать ни звука. Но камень, на который он опёрся задней лапой, предательски сорвался с места — видимо, был выбит из кладки много лет назад и держался на честном слове. Тихий шорох осыпавшейся каменной крошки — и один из наёмников, тот, что стоял ближе всех к расщелине, вскинул голову.

— Тут кто-то есть, — сказал он, вглядываясь в тень между камнями. — Мелкий. Кажется, просто котёнок.

Шерлок рванулся бежать. Он метнулся вглубь расщелины, туда, где камень смыкался слишком узко для человеческой руки, где он мог бы уйти, раствориться в лабиринте знакомых с рождения ходов. Но наёмник оказался быстрее. Грубая рука в жёсткой перчатке настигла его, сомкнулась на загривке и вытащила на свет, как рыбу из воды.

Шерлок шипел, царапался, извивался всем телом, пытаясь дотянуться когтями до лица врага. Он пустил в ход всё, чему успел научиться за три месяца жизни в Коллегии. Бесполезно. Его держали крепко, с безжалостной уверенностью человека, который привык обращаться с животными как с предметами.

— Смотрите, — наёмник поднёс его к свету фонаря. — Чёрный, с белым пятном на груди. Тощий, но шерсть чистая. Дикий, видать. Мать, наверное, бросила.

«Профессор» брезгливо поморщился, отступив на шаг, словно котёнок был заразным:

— Выбросьте его. Мусор. Не отвлекайтесь. У нас мало времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.